

Император уже было прикрикнул на нескольких министров, угрожая им и требуя больше не заводить речь о назначении юного господина на пост императрицы, но стоило им притихнуть, как он сам объявил всему миру о намерении сделать Чу Чанси своей супругой. Церемонию решили провести в спешке, без излишеств, в ближайшие дни. Чиновники были одновременно поражены и обрадованы, с готовностью поддержав это решение.

Сам император ежедневно лично контролировал подготовку свадебных торжеств в Министерстве обрядов. Боясь утомить господина Чу, он отменил множество ритуалов. Каждый раз, когда чиновники пытались указать на несоответствие канонам, император одним лишь холодным взглядом заставлял их проглотить свои возражения. Стало очевидно, насколько сильно он дорожит господином Чу.

Однако придворных не покидало странное чувство: казалось, сам государь не испытывал радости от грядущей свадьбы. Разве это не было событием, о котором он мечтал всю жизнь? Почему же в моменты невольной задумчивости на его лице проступало выражение куда более горькое, чем если бы он всё потерял? В этой бесстрастной маске читалось такое отчаяние, что это разительно отличалось от привычной властности и суровости императора.

Люди во дворце недоумевали, чиновники Министерства обрядов чувствовали неладное, и лишь Е Фэн понимал истинную причину.

Увидев, что Е Фэн вошел, Чжао Цзиньюй махнул рукой, отпуская чиновников, и лишь тогда спросил ровным голосом:

— Чанси снова покинул дворец?

— Так точно, Ваше Величество. Господин Чу ушел вскоре после того, как вы покинули дворец Чжияй.

До свадьбы оставались считанные дни, и им нужно было всё тщательно спланировать.

Чжао Цзиньюй опустил взгляд. Сердце пронзило острой болью, словно его полоснули лезвием, но лицо оставалось невозмутимым. Он легонько погладил пальцами нефритовую подвеску на поясе:

— Хорошо, я понял.

Всего одно слово, и больше ничего. В последние дни государь стал еще молчаливее и холоднее. Он прекрасно знал, что господин Чу собирается предпринять в день свадьбы, но потакал ему во всём, полностью отпустив ситуацию.

Е Фэн сжал пальцы, разрываясь между двумя огнями: он искренне желал добра господину Чу, но чувствовал себя предателем по отношению к императору.

Он нерешительно заговорил:

— Тогда... в день свадьбы, в темнице...

— Е Фэн, — Чжао Цзинъюй, не глядя на него, нежно перебирал кисточку на нефритовой подвеске. Его взгляд был опущен, а голос звучал тихо и отрешенно, — всё, что делает Чанси, нам с тобой неизвестно.

Е Фэн на мгновение вонзил ногти в ладони, а затем разжал их и ответил:

— Я понял, Ваше Величество.

— Ступай. В будущем можешь не докладывать мне о делах господина.

— Слушаюсь...

Когда Е Фэн ушел и в комнате не осталось ни души, на лице Чжао Цзинъюй проступила мука. Он молча смотрел на нефритовую подвеску в руках — час, другой, пока дневной свет за окном не начал угасать. Лишь когда пришло время возвращения Чу Чанси, он с усилием подавил все чувства, поднялся и велел приготовить паланкин, чтобы отправиться во дворец Чжияй.

...

Процедура бракосочетания императора и императрицы была невероятно сложной и громоздкой. Несмотря на требование главных героев максимально всё упростить, необходимые обряды возведения в сан, жертвоприношения и торжественный банкет для членов императорской семьи и сановников были неизбежны.

Этим Чэнь-ван мог воспользоваться, чтобы провести своих людей во дворец. В день церемонии стража была озабочена усилением мер безопасности, и, как следствие, охрана темницы неизбежно ослаблялась. День свадьбы действительно был лучшим моментом для удара.

Обсудив с Чэнь-ваном план действий, Чу Чанси уже собирался уходить, но Чжао Цзючэнь окликнул его:

— Господин Чу...

Чжао Цзючэнь смотрел на него, не в силах подобрать слова, его глаза были полны тревоги. Чу Чанси снова сел за каменный стол. В тишине двора косые лучи заходящего солнца удлинляли тени. В белом одеянии, с ясным и чистым взглядом, он казался воплощением искреннего доверия к собеседнику.

— Чэнь-вану не о чем беспокоиться. План действий продуман до мелочей, осечек быть не должно. Даже если что-то пойдет не так...

— Цзючэнь боится не этого, — Чжао Цзючэнь перебил его, глядя на него с горящим взглядом. — Скажите... господин Чу правда собирается оставить моего брата?

— Разумеется.

Чу Чанси поднялся, взяв в руки меч. Его волосы были собраны в нефритовый венец, а в чертах лица застыл вечный лед. В его ответе не было ни тени сомнения.

Напряжение в душе Чжао Цзючэня начало спадать. Чу Чанси — человек прямой и честный; узнав, что император обманул его, он решил уйти, спасти Ли-вана и восстановить справедливость — это было вполне логично. Уход от брата — лишь первый шаг, а дальше он сам найдет способ заставить и его оставить третьего брата...

Чжао Цзючэнь мягко улыбнулся:

— Хорошо. Цзючэнь сделает всё возможное, чтобы помочь вам.

...

До свадьбы оставалось несколько дней, и дворец был украшен красными шелками. Небо еще не успело окончательно потемнеть, но повсюду уже зажглись красные фонари, вытянувшись в огненных драконов. Когда Чу Чанси подошел к воротам дворца Чжияй, он увидел, что император, как обычно, ждет его там.

При виде него спокойное лицо государя озарилось нежной улыбкой, а в глазах вспыхнули звезды:

— Чанси, сегодня ты вернулся пораньше.

— Зачем Ваше Величество снова ждет здесь?

Чу Чанси остановился, бросил на него короткий взгляд и прошел внутрь. Белый халат, длинный меч, лицо, подобное лунному свету, и холодная отстраненность в глазах — на этом фоне даже яркие огни дворца казались тусклыми.

Рука Чжао Цзинъюя, потянувшаяся к его рукаву, замерла в воздухе и мелко задрожала. Он думал, что уже привык к боли, но стоило Чанси проявить хоть каплю нетерпения, как сердце снова сжалось так, что он едва мог сдерживать эмоции.

Больно до смерти.

— В следующий раз... я послушаю Чанси и не буду ждать.

Чжао Цзинъюй сделал глубокий вдох, заставил себя улыбнуться и, проигнорировав ледяной взгляд Чу Чанси, крепко ухватился за край его рукава, идя рядом, как это бывало бесчисленное количество раз в детстве.

Он не знал, сколько еще дней сможет видеть его. День свадьбы, скорее всего, станет последним. На сердце у Чжао Цзинъюя было так кисло и горько, словно его затопило водой, перехватывая дыхание, но он всё равно смотрел на спутника с нежностью и улыбкой.

Чу Чанси бросил взгляд на пальцы на своем рукаве, но, казалось, не придавал этому значения. Идя вперед, он спросил Систему:

— Что сегодня делал главный герой?

Система ответила:

— Половину дня занимался государственными делами, а вторую половину... просто смотрел на нефритовую подвеску у себя на поясе.

Чу Чанси остановился и холодно произнес:

— Отпусти.

— Я просто... — Чжао Цзиньюй не хотел разжимать пальцы, не понимая, чем снова вызвал недовольство. Боль в сердце стала невыносимой, улыбка едва держалась на губах.

Чу Чанси молча смотрел на него. В его голосе не было гнева, лишь равнодушие:

— Я еще не закончил писать статью.

Но Чжао Цзиньюй почувствовал, что Чанси рассердился, и дрожащими пальцами медленно разжал хватку.

Он наблюдал, как Чу Чанси подошел к письменному столу, расстелил лист бумаги, взял кисть и засучил рукава. С того дня, как он согласился на свадьбу, он лишь сказал, что нужно поторопиться, и больше ни о чем не спрашивал. Зато, уступая просьбам сановников, он каждый день писал статьи о государственном управлении. Император внимательно изучал их, адаптируя к реалиям государства Чжао, и только тогда Чанси становился к нему чуть мягче.

А теперь...

Чжао Цзиньюй стоял в стороне, наблюдая, как Чу Чанси пишет при свете свечи. Красное пламя отбрасывало отблески на его лицо, и оно уже не казалось таким холодным. Мысли путались, что-то промелькнуло в голове, но было слишком быстрым, чтобы ухватиться.

Когда Чу Чанси отложил кисть, ночь уже была глубокой. Он вымыл руки, пахнувшие тушью, и направился к кушетке. Увидев, что Чжао Цзиньюй следует за ним, он обернулся и выставил его:

— Ваше Величество, вам тоже пора отдохнуть.

— Чанси, можно мне сегодня переночевать здесь?

С той ночи, когда Чу Чанси ушел из поместья Чэнь-вана, они ни разу не спали на одном ложе, не говоря уже о прикосновениях. Но ведь Чанси скоро уйдет...

Не дожидаясь ответа, Чжао Цзиньюй взмахнул рукавом, гася свечи. Комната погрузилась в темноту, лишь серебристый лунный свет падал из окна. Приближаясь, Чжао Цзиньюй торопливо расстегивал одежду:

— Чанси, позволь мне служить тебе сегодня, хорошо?

Хотя он говорил спокойно, его пальцы дрожали, голос дрожал, всё его тело сотрясала дрожь. Чу Чанси смотрел на него, оставаясь безучастным. Лунный свет отражался в его ресницах, словно иней.

— По обычаям государства Чжао, за несколько дней до свадьбы нам не положено видеться.

Чанси не хочет его.

Чжао Цзиньюй понимал, что в темноте ничего не видно, но всё равно инстинктивно отвернулся, чтобы не дать ему увидеть выражение невыносимой боли на своем лице.

— Возвращайся.

Голос Чу Чанси звучал всё так же холодно.

— Хорошо, я слушаюсь тебя.

Раз не велено ждать — не буду, не велено видеться — не буду. Чанси, надеюсь, ты доволен? Чжао Цзиньюй подобрал с пола верхнюю одежду, открыл дверь и вышел.

Система:

— Главный герой не ушел, он сидит на каменных ступенях снаружи... и снова кашляет кровью.

Чу Чанси опустил полог кровати, закрыл глаза и лег:

— Хм, всё такой же глупый.

Система:

— ...Хозяин, кажется, он просто слишком сильно дорожит вами, и в то же время он в отчаянии.

— ...

Чу Чанси промолчал. Система осторожно попыталась пошутить:

— Хозяин, вы ведь в прошлый раз пошутили, когда сказали, что убьете главного героя?

Хотя главный герой был носителем данных маленького мира и убить его, по идее, было невозможно, но если бы хозяин сделал это сам, главный герой, даже не умерев, наверняка был

бы так раздавлен горем, что потерял бы всякую волю к жизни!

Чу Чанси:

— Ты думаешь, я шучу?

Система:

— ...

Нет. Система никогда не видела никого более умного и рационального, чем его хозяин. Он никогда не делал бесполезных вещей и никогда не бросал слов на ветер.

Чу Чанси, словно прочитав мысли Системы, ответил с закрытыми глазами, лениво протянув:

— Не совсем так. В этом задании, если не считать запуска основной сюжетной линии, всё, что я делал, было, пожалуй, пустой тратой сил.

Система удивилась:

— Что это значит?

Система прокрутила события в голове, внезапно осознала что-то и взвизгнула:

— А-а-а, хозяин, вы всё-таки злитесь на главного героя!!!

Чу Чанси:

— Слишком много думаешь. Спи, не шуми. Завтра нужно дописать трактат, а в день свадьбы я уйду. Нужно закончить всё за эти дни.

...

Чжао Цзинъюй просидел всю ночь у дверей Чу Чанси, а в последующие дни больше не приходил. Как и обещал, он перестал ждать и искать встреч.

Настал день свадьбы. Все приготовления шли своим чередом, но в решающий момент церемонии возведения в сан ни один из главных героев не появился.

Господина Чу не было — он отправился в темницу.

Но где же император?

Е Фэн оглядел пустой зал, где сегодня должно было свершиться событие, которое наверняка станет предметом насмешек всей империи. Он распорядился охране оставаться на местах,

чтобы не допустить беспорядков, и ушел в одиночку.

Он направился напрямик в покои господина Чу. Войдя во внутренние покои, он увидел императора в ярко-красном свадебном наряде, сидящего на кушетке. Рядом аккуратно лежало еще одно, нетронутое свадебное одеяние.

В комнате был только император. Он сидел с бесстрастным лицом, холодный ветер из окна развеивал его распущенные волосы, и в этом было столько безграничной печали...

— Ваше Величество!

Подойдя ближе, Е Фэн заметил кровь на губах государя и пятна на постели.

— Позвольте мне позвать лекаря? Ваше Величество?

Е Фэн несколько раз позвал его, но император не реагировал. Тогда, не найдя другого выхода, он тихо произнес имя господина Чу. Только тогда государь поднял глаза, и в его потухшем взгляде медленно забрезжил слабый свет.

— Чанси уходит, — голос императора был хриплым, словно он только что плакал. — Я так хочу увидеть его в последний раз. Но если Чанси это не понравится, если он рассердится, что мне делать?

Е Фэн вздохнул и предложил:

— Если Ваше Величество пойдет к нему и скажет, что готовы отпустить их, уверен, господин Чу не будет на вас сердиться.

<http://bllate.org/book/19901/1959228>